

ПЕРЕДО МНОЙ — роман Валерия Былинского. Озаглавлен — «Адаптация», ниже шрифтом поменьше дано пояснение: «Авантюрный роман о том, как бросить все и начать жить». На обложке на переднем плане — обнаженный мужчина, рогатый череп и раздувшая иголки рыба-шар, на заднем плане — небоскребы, как символ какой-то далекой западной цивилизации.

Читать не хочется. Во-первых, обложка вызывает опасения. Если она такая, то что же внутри будет? Во-вторых, эта фраза — «бросить все и начать ЖИТЬ». После нее хочется сразу отправить автора к черту и вслед крикнуть: «А я что, по-твоему, делаю?».

Но начинаю читать. Первое, что сразу, с первых глав ощущается, это то, книга написана очень эмоционально, откровенно. Даже иногда кажется, что чересчур откровенно, задаешься вопросом: «А надо ли было вот так...? Имеют ли эти незаретушированные сцены художественную ценность?» Вопросы, на самом деле, риторические, рассуждать об этом дальше смысла не вижу. Просто констатирую, что с первых же глав подумала об этом.

О чем роман? В краткой аннотации тема сформулирована так: *«авантюрно-философский роман о наших современниках, о поисках и обретении ими смысла жизни»*. В общем, так и есть.

Повествование идет от первого лица. Герой романа Саша Греков — интересный типаж из нашей российской действительности. Тридцать восемь лет, давно разведен, бездетен. Хорошо образованный, думающий, анализирующий свои мысли и поступки. Практически бездеятельный по отношению к внешнему миру, потому что не может найти смысла в какой бы то ни было деятельности. А смысл обязательно нужен, чтобы жить. Отказаться от жизни добровольно, как и любой нормальный человек, Греков не готов. Что же в таком случае делать? Выход — адаптироваться, приспособить себя к той действительности, которая есть.

Эту современную реальность автор хорошо описал в главе, которая называется «Новые христиане». В ней выстроена схема современного общества, разделенного на классы по уровню достатка и отношению к деньгам. Он говорит о Со-

ветском Союзе, в котором разделение на классы не было таким очевидным, бросающимся в глаза, как сейчас. Ситуация изменилась буквально за два десятилетия, когда западная цивилизация начала оказывать активное влияние на развитие страны, и в обществе произошла переоценка ценностей. Людей, принявших новые ориентиры, активно включившихся в жизнь, целью которой стало достижение материальных благ, автор называет «новыми христианами». Эти люди спасают уже не душу, они спасаются от бедности, которая, по их мнению, является грехом. Довольно быстро герой приходит к выводу, что он не сможет стать таким, как они.

Кому-то может показаться, что герой просто «ноет». Сейчас так быстро меняется мир, неужели кто-то помнит, как было в СССР, неужели кому-то еще мешают прежние идеалы? Неужели в новом мире нельзя найти место для себя? Наверно, читатели, по возрасту младше героя (я, например), так и решат. Но если хорошо подумать: да, мир сильно изменился, а люди-то остались прежними. И вот пример, чтобы не было скучно читать рецензию. Отдыхали мы летом с друзьями на Селигере. И один знакомый пригласил поехать с нами человека не из нашей компании, постарше. Звали его Миша, было ему лет сорок. Нормальный такой дядечка, бритый налысо, средней упитанности, с золотыми цепочками на шее. По виду — состоявшийся. Работает риэлтором. И вот, плескается этот дядечка в селигерской водичке и приговаривает: «Что нам Турция, что нам Египет! Вот, наша российская природа, красота какая!». А вечером костер стали жечь. Миша больше всех суетился. Дров нарубил, пыжей для розжига сделал. Костер отличный получился. Довольный Миша сел возле него и с ностальгией в голосе запел: «Взвейтесь кострами, синие ночи! Мы — пионеры, дети рабочих». Я смотрю на него и спрашиваю: «Миша, а ты пионером был?». Глупый, конечно, вопрос. Он отвечает: «Был, и комсомольцем был. Хорошее время было». А теперь он — некрупная акула капитализма, хотя готовили, растили его не для этого. Так что вопросы, на которые вместе пытаются найти ответ автор и герой «Адаптации» и сейчас актуальны для многих людей.

Саша Греков понимает, что ему нужно не просто внешне адаптироваться, а найти настоящий смысл жизни. Собственно, в этом и заключается суть поисков, в которые он пускается. И традиционно, для рассеяния болезни, которую еще Пушкин называл «русской хандрой», Греков отправляется путешествовать в Египет.

Но в данном случае путешествие — это не только внешняя смена декораций. Герой путе-

шествует «вдоль самого себя», если можно так сказать. Он детально, как под микроскопом рассматривает себя, свои мысли, стремясь заглянуть вглубь, увидеть, что там, за слоями кожных покровов, внутренностей, бытовых поступков и мыслей. Он хочет докопаться до своей сути. Повествование иногда прерывается воспоминаниями о разных прошедших событиях, имеющих значение для героя. Автор свободно чувствует себя внутри текста, перемещаясь от одних событий к другим.

Внешне герой практически инертен, никак не проявляет себя, не совершает экстравагантных поступков. Пожалуй, только разговаривает, слушает, думает. И вот в разговорах с разными людьми, близкими ему по духу или совсем не близкими, можно найти много интересного. Они говорят обо всем — о Боге, об одиночестве, о любви, о смысле, который в разговорах есть, в книгах есть, а в жизни отыскать сложно. Нет, конечно, герой не только говорит или думает, он совершает действия, но так, как будто сам в них не заинтересован. Как будто можно их совершать, а можно ничего не делать. И от этого ничего не поменяется.

А если ничего не меняется во внутреннем состоянии, нужны ли эти действия, снова спрашивает себя Саша Греков и снова пытается отыскать смысл.

Он мечется, как в пустыне. И эту пустыню создают вопросы в его голове: «Я один такой и только меня все это волнует, или другие тоже об этом думают. Нашли ли они смысл, докопались ли до сути или махнули рукой и плывут по течению?». И самый главный вопрос, ответ на который можно найти только для себя, если вообще можно: «Зачем я существую?». Не на уровне сегодняшнего дня, а в глобальном смысле.

Нам (читателям) кажется, что вот-вот в романе что-то произойдет, что-то такое главное, для чего стоило браться за чтение. То, что сейчас называется словом «фишка». Какой-то фокус, художественный ход, после которого все станет понятно и для Саши Грекова, ну, и для нас, соответственно. Мы же привыкли, что в книге все не просто так: если ружье на стене в первой сцене, то в последней оно обязательно стреляет, если встреча в романе, то обязательно роковая. А здесь что происходит — жизнь происходит. Многообещающие встречи не заканчиваются ничем, поездка в Египет сменяется поездкой на родину в Днепропетровск. Встреча с родителями, с братом, с друзьями. Смерть матери. Поиски смысла жизни затягиваются. И никакой зацепки, никакой надежды его найти. Герой то выныривает на поверхность жизни, то

погружается в глубину себя (простите мне туманную метафору).

Интересный ход в романе — Саша Греков, так же как и автор, пишет свою книгу, которую тоже хочет назвать «Адаптация». Можно предположить, что смысл для героя и заключается в написании этой книги. Но книга в итоге написана, а смысла все нет. И любовь у героя была. Но странная, путаная. С ее появлением начинаются события, которые можно назвать фантастичными. Роман, мерно текущий в философских рассуждениях, начинает набирать обороты, калейдоскопом проносятся новые путешествия, время сжимается и начинает проноситься с огромной скоростью. Но и это проходит. Любовь не выдерживает испытания реальностью.

И вот в последней, пятой части происходят события исключительно фантастичные — конец света, ни больше ни меньше. Хотя до этого повествование было, в основном, реалистичным. Я не сильна в определении литературных направлений, но думаю, что этот роман можно отнести к постреализму, хотя в повествовании есть и модернистские приемы. Но реалистичность героя и его проблем, глубина его исканий, позволяют говорить о постреализме. Этим термином обозначают художественные попытки осмысления экзистенциального поединка личности с хаосом жизни, причем поединка незавершенного и неразрешимого.

Хотя в «Адаптации» Саша Греков все же находит гармонию, но не в реальности, а там, где

оказывается после конца света. Но вот устроит ли такой финал читателя? Ведь на главный вопрос, терзавший героя на протяжении всей книги, — что же делать с ней, с той реальностью, в которой он живет (и мы живем), — ответа не последовало. Получается, что с ней нельзя примириться никак? На самом деле не совсем так. Автор (или герой?), словом, тот, кто пишет «Адаптацию», говорит, что финалов у книги могло быть несколько, и что можно было остановиться на другом, более реалистичном варианте. Но роман продолжается и продолжается. Зачем? Не знаю. Чтобы герой понял, что хочет жить и любить? Опять не знаю. Последняя часть, которая называется «Адаптация», на деле адаптацией не является. Ведь герой не адаптировался ни к чему, не уверена я также, что он нашел какой бы то ни было смысл. Это его, героя, «нашел» конец света. Получается, что искусственно созданные фантастические обстоятельства решают все вопросы. Это вызывает... разочарование.

Когда я читала отзывы о романе, несколько раз упоминалось, что он производил впечатлительные откровения, что люди плакали над его страницами. Таким близким показалось им написанное. Но чтобы это почувствовать, нужно как-то совпасть с героем — по возрасту, мироощущению, настроению. Я не совпала. Хотя роман показался мне эмоционально сильным. Уверена, что у него уже есть и еще будут более благодарные читатели.